

Данилко Андрей

15.09.2000

Чувство. - 2000. - 15 сент. - с. 12.

Отмороженный всечеловек

Верка Сердючка и лакмусовая бумажка

Она всегда одинакова — и одинаковы ее собеседники: на днях она встречалась с Димой Маликовым, и это мало отличалось от разговора с любым из его коллег. Тё же приколы, почти такие же вопросы: второго такого ясного, не замутненного никакими интеллигентскими штучками образца сегодняшнего стиля общения на телевидении нет — поэтому я и люблю Верку Сердючку. Я смотрю «СВ-шоу» постоянно и наслаждаясь всем: интонациями, манерами, реакцией собеседников, чудесной непринужденностью троголодитки, с которой хозяйка купе общается со своими гостями: вот он, Грядущий Хам, и в нем отражается многое.

Алексей ФИЛИППОВ

Хам подобен всечеловеку — он абсолютно свободен и живет с убеждением, что Вселенная создана ради него. Хам одаривает собеседника своим вниманием, не думая о том, насколько оно обременительно; он задает вопросы, на которые нет охоты отвечать, говорит все, что лезет в голову, — и при этом пребывает в полном довольстве собой, единственным и неповторимым, контактным, остроумным и любимым всеми. Таков образ Верки Сердючки (в исполнении артиста Андрея Данилко — жителя города Киева и сотрудника телекомпании «1+1», которая снимает передачу в столице Украины и продаёт ее ТВ-6). Манера исполнения провинциальна, во всем виден перебор — у Верки Сердючки слишком большой бюст, слишком яркий и чесчур круглый румянец, не в меру аффектированные манеры. Она может служить эталоном дурновкусия, но в этом есть свой стиль — пошлость возведена в квадрат, доведена до абсурда, абсолютно

Андрей Данилко в роли Верки Сердючки

протекна, а Веркины собеседники пошли в меру, но при этом выстраивают свое поведение по тем же правилам.

Верка Сердючка приглашает к себе на чай эстрадных звезд (их, надо полагать, заносит в город Киев свирепый «чес», который кормит большую часть наших поп-певцов). Белые занавесочки на окнах, эмпэсовские кожимитовые диванчики, металлические подстаканники, разговоры за жизнь — слова говорят о многом, но интересней всего наблюдать за глазами Веркиных собеседников.

На третьей минуте разговора собеседник чувствует неловкость и начинает злиться. Его зад прилипает к диванчику, руки становятся неподвижными, глаза наливаются неподдельной злостью: Верка слишком бесцеремонна и лепит все, что взбредет в голову, — она хамит, и те, кто знает толк в кухонных перебранках, пытаются отвечать ей тем же.

Наташа Королева — женщина невысокая, но характер у нее боевой: в своем коттедже певица повесила боксерскую грушу, на которой оттачивает удары. Ее диалог с Веркой оказался куда как примечателен: грудастая проводница была липучка как

смола и изводила гостю распросами о муже, босоногом детстве и личной жизни — а певица злилась. Сначала она попыталась одолеть Верку ее же оружием и бодро перешла на суржик — но разве может любитель справиться с профессионалом? Нет смысла спрашивать Верку Сердючку о ее мужиках и цвете ее белья: она всегда найдет ответ, а спрашивающий останется в дураках... Затем в головке госпожи Королевой начал брезжить иной, радикальный вариант: взгляд стал жестким, губки скжались, напрягся маленький кулачок. Но телеведущих у нас пока не бьют — во всяком случае, перед камерой, — и порыв углас, не выпивший в действие. В результате зрители увидели не одну, а двух Верок, общающихся друг с другом на одинаковом уровне, и за это господину Данилко надо сказать отдельное человеческое спасибо.

Верка Сердючка работает лакмусовой бумажкой — благодаря ей проявляются потаенные качества собеседников. Она трудится на ниве поп-культуры, обслуживающая залетевших в Киев звезд российской эстрады: в том, что отечественная поп-индустрия является колоссальным, распространившимся с эстрады на

телевизор и газетные полосы хамством, не сомневается уже никто. Хамство — потчевать потребителя дебильными текстами и дебильной музыкой; хамство — делиться с читателями такими подробностями своей личной жизни, о которых воспитанный человек не станет говорить случайному собеседнику. Хамство — прикармливать обслуживающих поп-тузовку безграмотных и косноязычных журналистов, хамство — выходить на эстраду, не имея для этого никаких данных, — а Верка Сердючка переводит внутреннее попсовое безобразие на личный, весомый, грубый и чрезвычайно зримый уровень. Она предъявляет нам своих собеседников такими, как они есть, — и парадокс в том, что деятели эстрады часто оказываются лучше, чем мы их себе представляли.

В последнее время Ефима Шифрина разлюбили многие интеллигентные люди — он стал слишком манерен и чесчур часто меняет свои фантастических расцветок пиджаки. Но Верку Сердючку Шифрин переиграл по всем статьям: он гротеск-стерь жанра, и Андрей Данилко решительно не дотягивал до своего спокойного, насмешливого, виртуозно меняющего маски и с легкостью опытного фехтовальщика парирующего его реплики собеседника. В беседе с Шифриным Данилко первый и единственный раз вышел из образа Верки Сердючки и обиженно, по-детски заскутил — бедняга пытался доказать, что неприличное слово, которым обмолвилась Верка, является литературным.

Зато с Борисом Моисеевым Верка чувствовала себя в своей тарелке. Моисеев тоже всечеловек, да еще и отмороженный: изображая маленького лебедя, он показал телезрителям зад. И это хорошо — эстрада занимает большое место в жизни сегодняшнего человека, и он должен знать своих кумиров в лицо.